

РОЛЬФ В ЛЕСАХ

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

В этой истории я предпринял попытку исследовать некоторые силы, влиявшие на американское юношество сто лет назад и сделавшие из молодых людей сначала добропорядочных граждан, а затем, во дни бедствий, героев, одержавших победу при озере Эри, Платтсбурге, Новом Орлеане и в великих морских сражениях под командованием Портера, Бейнбриджа, Декейтера, Лоренса, Перри и Макдоно².

Особенно меня интересовали подробности жизни лесных скаутов, поскольку я надеялся помочь другим мальчикам пройти по этому тернистому пути до самых высот.

Что касается исторических событий 1812–1814 годов, то я руководствовался в первую очередь «Морскими сражениями 1812 года» Теодора Рузвельта, «Историей озера Шамплейн» Питера С. Палмера и одноименной книгой Уолтера Хилла Крокетта (1909). Однако я нашел и другой источник сведений, более личный. Благодаря доброму расположению моего друга Эдмунда Сеймура, уроженца окрестностей озера Шамплейн, а ныне жителя Нью-Йорка, я обследовал исторические места, пользуясь рукописями нескольких неопубликованных путеводителей, и выслушал рассказы о войне от детей тех несгибаемых бойцов с фронта; ознакомившись с этими личными воспоминаниями, более яркими и живыми, я с радостью обнаружил, что обеим сторонам были свойственны не только доблесть и героизм, но и милосердие и рыцарский дух. Истории, написанные участниками событий того времени, следует отложить в сторону. Они проникнуты злобой и ненавистью писателей той поры, однако

¹ Перевод А. Бродоцкой.

² Речь идет о событиях Англо-американской войны 1812–1815 годов.

сами воины были избавлены от этих чувств, и многие описанные здесь проявления сострадания и благородства взяты с натурой, и о них рассказали мне потомки тех, с кем это случилось. Я убежден, что эти истории отражают подлинные чувства, царившие в те дни.

Я весьма обязан мисс Кэтрин Палмер из Платтсбурга, которая по доброте своей позволила мне познакомиться с неопубликованными рукописными мемуарами своего деда Питера Сэйли, бывшего во время войны сборщиком налогов в Питсбургском порту.

Другой целью этой истории было описать настоящего индейца с его представлениями о добре и зле.

Те, кто ничего не знает об этой расе, скривятся с презрением и скажут, что никогда не слышали о верующих краснокожих. Те, кто хорошо знаком с ней, заметят: «Все верно, однако вы подарили своему восточному индейцу песнопения и обряды, принадлежащие западным племенам, к тому же из другой эпохи». Последним я отвечу так: «Вам известно, что у западных индейцев были такие песни и молитвы. Откуда вы знаете, что их не было у восточных индейцев? У нас не сохранилось никаких записей, помимо критических отзывов, полных слепой ненависти и презрения к любым религиозным традициям, кроме своих собственных. Безусловно, песня пляски духов принадлежит к гораздо более современной эпохе, однако это чисто индейское явление, а в целом принято считать, что все расы континентальной Северной Америки в родстве между собой, поэтому у них не было фундаментальных различий в обычаях и мировоззрении».

Призыв к владыке дня предоставил мне Фредерик Р. Бертон, автор «Примитивной американской музыки». Ее и в наши дни исполняют в племени оджибва.

О песнях вабанаки можно прочитать в «Мастере Кулоскапе» Ч. Г. Лиланда.

Песня пляски духов приводится в обработке Элис К. Флетчер, чей труд «Индийские песни и рассказы» станет настоящим откровением для тех, кто пожелает углубиться в этот предмет.

Ernest Ingham Peterson

ГЛАВА 1

Вигвам под скалой

Весеннее солнце вот-вот должно было появиться из-за горизонта. Куонеб, последний индеец синава в Мьяносе, вышел из своего вигвама под обрывом у восточного берега Асамука и взобрался на вершину величественной скалы, венчающей обрыв. Устремив взгляд туда, где над морским простором между Коннектикутом и Сиванаки должен был вспыхнуть первый проблеск солнца, он молча ждал, взывая про себя к Великому Духу.

Но вот из низкой гряды облаков над морем вырвался золотой луч, и Куонеб запел древнюю индейскую песню, призыв к владыке дня:

Тебя, встающего из низкой тучи
Залить всю вышину огнем,
Тебя приветствую, тебе я поклоняюсь.

Он пел под гудение тамтама до тех пор, пока облака не рассеялись и алое чудо зари не завершилось.

Куонеб спустился в свое жилище, притулившееся под каменным выступом, вымыл руки в вырезанной из липы плошке и принялся стряпать нехитрый завтрак.

Вода в луженом медном котелке над огнем уже закипела. Индеец всыпал в нее горсть кукурузной муки, бросил несколько съедобных ракушек и хорошенько все размешал. Потом взял кремневое гладкоствольное ружье, осторожно поднялся к гребню, укрывавшему вигвам от северо-западного ветра, и устремил зоркий, как у сокола, взгляд на широкое зеркало заводи у высокой бобровой плотины, перегородившей русло ручья Асамук.

Середину еще покрывал лед, но на хорошо прогреваемых отмелях он успел растаять, и на чистую воду иногда опускались утки.

На этот раз там не оказалось ни одной, зато у кромки льда виднелся пушистый шар, в котором индеец, несмотря на дальнее расстояние, распознал ондатру.

Можно было бы прокрасться по берегу запруды на расстояние выстрела, однако Куонеб поспешил назад в вигвам и сменил ружье на охотничье снаряжение своих предков: лук, стрелы и длинную леску. Ондатра мирно грызла корневище аира¹, не подозревая, что в пятнадцати шагах от нее индеец уложил леску аккуратными кольцами на землю, привязал конец к стреле и натянул тетиву. Вزز! Стрела, разматывая леску, пронзила цель.

В тучах брызг ондатра исчезла подо льдом, но охотник, крепко держа другой конец лески, начал осторожно ее сматывать. Зверек показался из-под льда, и точный удар палки завершил охоту. Подстрели индеец ондатру из ружья, быть бы ему без добычи.

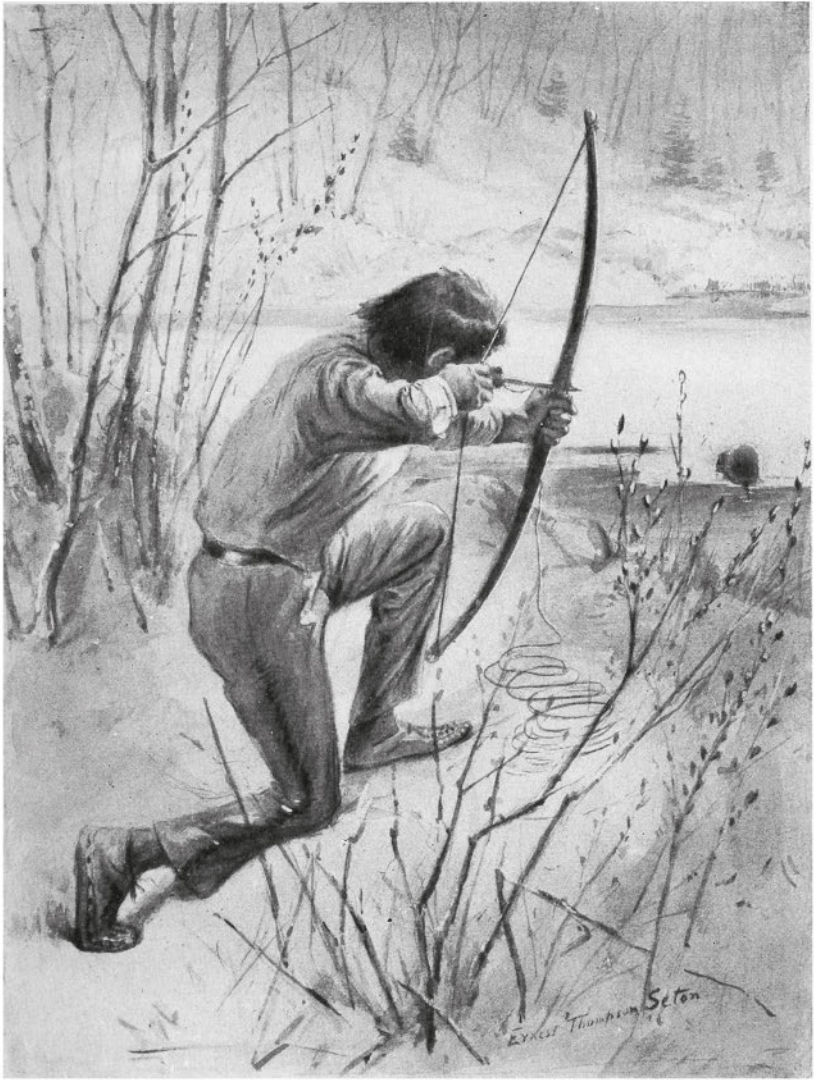
Куонеб вернулся в вигвам, съел свой скудный завтрак и накормил привязанного к центральному шесту золотисто-рыжего песика с совершенно волчьей мордой.

Потом он аккуратно снял шкуру с ондатры: сделал надрез вокруг хвоста и вывернул ее, как перчатку. Теперь осталось только растянуть шкуру для просушки на согнутом упругом пруте и через день-два отнести в лавку и продать. Тушку он тщательно выпотрошил и повесил в тени для будущего обеда.

В лесу послышались тяжелые шаги. Под треск валежника и шорох сухих листьев на опушку вышел грузный верзила с красным носом и лихо закрученными седыми усами. При виде индейца он остановился, презрительно оглядел его утреннюю добычу, злобно буркнул: «Крысоед!» — и направился к вигваму, явно намереваясь заглянуть внутрь. Однако достаточно было индейцу спокойно и внятно сказать: «Не подходи!», как он передумал, обругал краснокожих бродяг и зашагал по направлению к ближней ферме.

¹ *Аир* — вид травы, растущей по берегам водоемов.

ГЛАВА 2

Рольф Киттеринг и дядюшка солдат

Коли человек болтает, так уж обязательно всякую чепуху!

(Из изречений Сая Силванна)

Шел месяц Ворон, который белые называют мартом. Близился месяц Трав, и на север потянулись косяки черноголовых казарок, трубными кликами оповещая всех внизу, что Голодный месяц кончился, что на землю пришла весна. Высоко на сухом суку покрикивал глухарь, а зеленый дятел, весь в темных пестринах, уже барабанил по облюбованному стволу; в лесу барабанил крыльями воротничковый рябчик, а в небе строй за строем пролетали утки, и крики их сыпались сверху, как барабанная дробь. Удивительно ли, что и индеец взял барабан, чтобы излить душу в песне?

Но вскоре, словно что-то вспомнив, он направился вдоль обрыва на юг, туда, где гребень горы кончался, открывая дорогу ручью. Индеец обогнул край Стриклендской равнины, поднялся на каменистый холм и увидел на вершине, как видел каждую весну, голубой глазок печеночницы, первый нежный цветок весны. Куонеб не стал его срывать, просто опустил на землю и устремил на него пристальный взгляд. Он не улыбался, не пел, не шептал, не называл цветок, а просто сидел рядом и смотрел на него. Ведь он и пришел сюда, зная, что увидит голубые лепестки. Кто смеет говорить, что душа индейца не чувствительна к красоте?

Потом Куонеб достал трубку и кiset, но тут же вспомнил, что кiset пуст. Он пошел назад, в свое жилище, снял с особой полки растянутые шкурки — десять ондатровых и одну норки — и вышел по тропке через лес на Стриклендскую равнину, поднялся на каменную гряду и спустился с нее в портовый городок Мьянос.

Над дверью, в которую он вошел, висела вывеска:

САЙЛАС ПЕК
Торговый склад

Внутри толпились мужчины и женщины: что-то покупали, что-то предлагали купить у них. Индеец скромно стоял в стороне. Наконец лавочник Пек обслужил всех и окликнул его:

— Эй, Куонеб! Что нынче хорошенького принес?

Куонеб разложил перед ним шкурки.

Лавочник прищурился на них и буркнул:

— Мех-то уже не зимний! Водяным крысам семь центов штука — красная цена, ну а за норку, так и быть, семьдесят пять центов дам.

Индеец молча собрал шкурки и повернулся к двери. Но Сайлас тут же его окликнул:

— Ладно уж! Так и быть, бери за крыс по десять центов.

— По десять центов за крыс, за норку доллар. И наличными. Я сам куплю, что мне надо, — ответил Куонеб.

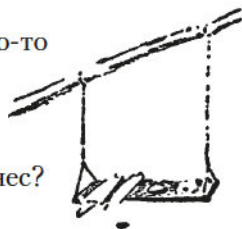
Сайлас больше всего на свете опасался, как бы кому-нибудь из его клиентов не вздумалось перейти через дорогу к двери под вывеской:

САЙЛАС МИД
Торговый склад

Поэтому сделка, теперь уже честная, была заключена, и индеец ушел с запасом табака, чая и сахара.

Он направился вверх по берегу речки Мьянос, торопясь осмотреть свои ловушки на ондатр. Добычу могли присвоить городские мальчишки, считавшие эти места своими охотничьими угодьями.

Час спустя он вышел к Круглому пруду, а оттуда направился напрямик через лес до Рысьей просеки, которая привела его к обветшалому домишке Мика Киттеринга. Он слышал, что фермер продает свежую оленью шкуру, и хотел ее купить. Мик Киттеринг вышел из сарая ему навстречу, и оба тотчас узнали друг друга. Куонеб повернулся и зашагал назад к лесу. Но фермер вспомнил, что его «оскорбили», и, грязно выругавшись, погнался за индейцем, чтобы «выдубить ему шкуру», как он про бурчал себе под нос. Куонеб стремительно обернулся и смерил Мика спокойным взглядом.

Некоторые люди не отличают сдержанность от трусости. До поры до времени. Что-то подсказало белому: «Берегись! С этим краснокожим лучше не связываться!» И он только злобно прошипел:

— Убирайся, не то за полицейским пошлю!

Индеец продолжал холодно на него смотреть, и фермер, пятясь, удалился восвояси. Только тогда Куонеб повернулся и исчез в лесу.

Киттеринг особой симпатии не внушал. Он утверждал, будто был солдатом, и внешность его, во всяком случае, это подтверждала: седые усы были свирепо закручены в два воинственных рога по сторонам багрового носа, который, впрочем, не слишком отличался цветом от остального лица.

Плечи он держал прямо, ходил вразвалку и располагал запястьями ругательств, каких в Коннектикуте еще не слыхивали, что придавало ему известной внушительности. Уже не молодым Мик женился на женщине, из которой вышла бы хорошая жена, если бы он это допустил. Но, сам завзятый пьяница, он принялся обращать супругу в свою веру, в чем, к сожалению, преуспел.

Детей у них не было, однако за несколько месяцев до описываемых событий им пришлось взять к себе племянника, пятнадцатилетнего паренька, в котором при других обстоятельствах они могли бы обрести надежного помощника и опору в старости. Но Мик слишком уж утратил человеческий облик.

Когда-то слабование в нем соединялось с искренним добродушием, но все его лучшие качества давно утонули в спиртном. Хвастливый и раздражительный, он весь мир делил на две половины: старших по чину, перед которыми пресмыкался, и на всех прочих, которых считал ниже себя, при всяком удобном случае ругательски ругал, а то и пускал в ход кулаки.

Правда, былая доброта еще чуть теплилась в его сердце, давая о себе знать в тех редких случаях, когда он не был пьян или, наоборот, не пребывал в мрачном унынии с похмелья. К счастью, племянник, сын его брата, пошел не в отцовскую родню, а в мать, дочь ученого богослова, который позаботился дать ей книжное образование — большая редкость по тем временам, — но не оставил ей после своей кончины ни денег, ни умения как-нибудь их зарабатывать.

На сто лет раньше ее умственный склад и странности привели бы ее на костер, как колдунью, а лет через пятьдесят снискали бы ей репутацию пророчицы. Но она родилась не на гребне той или другой волны, а, так сказать, в ложбине между ними. Собственный взгляд на многое, в том числе и на вопросы веры, не навлек на нее смерти в языках пламени, но и не вызвал к ней почтительного уважения окружающих. Жители деревушки смотрели на нее как на полоумную, а привычка женщины толковать Библию на свой лад внушила им убеждение, что Бог ей этого так не спустит. Ведь вместо того, чтобы призывать кары на головы нечестивых, она утверждала, что доброта — вот истинный Божий завет.

Горящие глаза бедной женщины, пылающие лихорадочным румянцем впалые щеки, еще более впалая грудь и хриплый кашель укрепляли соседей в их мнении, и, когда чахотка наконец убила несчастную, они только многозначительно покивали.

Так Рольф остался сиротой. Кроме того, чему его обучили в деревенской школе, он досконально знал Библию и «Робинзона Крузо». Всех окружающих он от души ненавидел и даже подумать не мог о том, чтобы искать у них помощи.

И сразу после похорон Рольф ушел из деревушки Реддинг по незнакомой дороге на юг, в незнакомый край, где рассчитывал найти приют на ферме почти незнакомого ему дяди Мика.

В первый день он прошел пятнадцать миль¹, переночевал в заброшенном сарае, на следующий день прошел еще двадцать пять миль и отыскал свой будущий дом.

— Входи, входи, малый! — почти ласково приветствовал его дядя.

По счастливой случайности приход Рольфа совпал с одним из редких припадков добродушия, да и крепкий пятнадцатилетний подросток на ферме никогда не лишней.

¹ Миль (сухопутная) — мера длины, равная 1609 м.

ГЛАВА 3

Рольф ловит енота и находит друга

Красноносенькая остроглазая тетушка Пру поначалу держалась с ним стеснительно, но все церемонии были забыты, едва

Рольф до тонкости постиг, как кормить свиней, кур, телят, а также доить коров, и на него были возложены неисчислимые обязанности, знакомые ему с раннего детства. «А оставила ли тетушка Пру хоть что-нибудь на свою долю?» — мог бы спросить посторонний человек, но Рольф привык трудиться.

Он работал без отдыха и очень старался, но весьма скоро убедился, что никакие старания не заслужат похвалы и разве что избавят от наказания.

Дядины припадки добродушия случались все реже. Тетка оказалась сварливой пьянчужкой, и вскоре Рольф вспоминал жизнь впроголодь с больной, но любимой матерью как золотую пору невозвратного детства.

Вначале доблестный дядюшка не мог толком разобрать, надо ли ему побаиваться тихого подростка или, наоборот, держать его в страхе, но Рольф оказался послушным и исполнительным, и Мик, осмелев, уже не скупился на затрецины. Впрочем, вечное ворчание и придирки тетки терпеть было еще труднее, и мало-помалу все хорошее, чему учила сына мать, начало стираться в его душе.

К вечеру Рольф так уставал, а утром так хотел спать, что скоро совсем перестал молиться. От дяди и тетки мальчик уже не ждал ничего хорошего и все же был ошеломлен, когда понял, что куры, которых Мик притащил домой в очень поздний час, попали к нему без согласия и ведома их владельца. Мик только похохотывал, а потом добавил, что и Рольфу «надо бы побыстрее обучиться ночной работке». И ведь это был только один случай из многих и многих! Мальчик понял, что судьба привела его в очень скверное место.

У Рольфа не было времени обзавестись приятелями в городке, однако счастливый случай помог ему найти друга.

Как-то по весне еще до рассвета он отправился в лес, где паслась корова, и вдруг, к большому своему удивлению, увидел, что из-за дерева его манит какой-то человек...

Незнакомец был высокий, смуглый, с на редкость прямой осанкой, хотя в его темных прямых волосах уже пробивалась седина. Он протянул Рольфу мешок и сказал:

— Тут в дупле енот, поддержи мешок, а я его выгоню.

Рольф охотно прижал мешок к отверстию в стволе, а индеец быстро влез на дерево, туда, где темнело дупло поменьше, и засунул в него длинную палку. Рольф услышал шорох, царапанье, и мешок у него в руках сразу стал тяжелым. Мальчик торопливо затянул веревку. С веселым смешком индеец спрыгнул на землю.

— А зачем он тебе живой? — спросил Рольф.

— Собаку обучать.

— Где?

Индеец махнул в сторону бобровой запруды.

— Значит, ты тот самый поющий индеец и живешь под скалой Эйба?

— Ак!¹ Так меня называют. Но мое имя Куонеб.

— Подожди часок! Я приду тебе помогать, — попросил Рольф; в нем взыграл охотничий инстинкт.

Индеец кивнул:

— Если меня не найдешь, крикни три раза.

Он вскинул на плечо толстую палку, на конце которой на безопасном расстоянии от его спины свисал мешок с енотом, и зашагал прочь. Рольф погнал корову на ферму.

Обещать-то прийти он обещал, но едва взялся за обычную работу, как сообразил, что тетка ни за что его не отпустит «бить баклуши». Тщетно он ломал голову, какой бы предлог придумать, но затем, сам того не подозревая, положился на древнюю мудрость: «Если не знаешь, что предпринять, не предпринимай ничего» и «Не можешь найти окольного пути — иди напрямик».

И вот, когда он задал корм лошадям, вычистил конюшню, подоил корову, налил пойло свиньям, накормил кур и теленка, наколот дрова и уложил их в сараюшке, выгнал на пастбище овец, разлил молоко по кастрюлям отстаиваться, засыпал куку-

¹ Утверждением «ак» (да) и отрицанием «ва» (нет) индейцы продолжают пользоваться и когда хорошо говорят по-английски. — *Примеч. автора.*

рузу в бочку с водой, чтобы набухла, наточил кухонный нож, помог перемыть посуду после завтрака, починил изгородь, принес картошку из погребца и переделал еще много всяких дел под аккомпанемент нескончаемых попреков тетки, настало время снова погнать корову в лес. Шагая следом за ней, Рольф твердо решил вернуться не раньше, чем сам того захочет.

ГЛАВА 4

Охота на енота до добра не доводит

Прошел не час, а целых три, когда Рольф наконец увидел перед собой Длинную запруду, как ее называли. Он никогда тут прежде не бывал, но Куонеб, стоявший на высокой скале, сразу ответил на условный сигнал и проводил мальчика в вигвам, стоявший с южной стороны скалы.

Рольф словно вступил в иной мир. В Реддинге их соседи, бывалые охотники, знавали индейцев, и он наслушался всяких удивительных историй об обычаях и лесной сноровке краснокожих. Но речь шла об индейцах, еще живших по обычаям своих предков, худые же смуглые люди в жалких лохмотьях, которые раза два-три проходили через деревушку, мальчику совсем не понравились.

Но Куонеб выглядел совсем не так. Правда, одет он был как бедный белый фермер, но волосы его не закрывала шапка, а на ногах посверкивали бусами настоящие мокасины. Пусть вигвам покрывала парусина, но она была разрисована индейскими символами, а посуда, не считая медного луженого котелка, какие издавна привозились из Англии для меновой торговли с индейцами, была вырезана из липы или сделана из бересты. Ружье и охотничий нож принадлежали миру белых, но лук, стрелы, лыжи и расшитый иглами дикобраза ружейный чехол были творениями индейского искусства, и материалы для них дал окружающий лес.

В вигваме Рольфа встретило свирепое рычание — пес сразу учуял ненавистный запах белого, хотя был еще почти щенком. Куонеб похлопал его по голове — индейский знак, означа-

ющий: «Успокойся, это свой», отвязал веревку, и все трое вышли наружу.

— Дай-ка мне! — индеец указал на мешок, висевший на палке между двумя деревьями.

Пес подозрительно повел носом в сторону мешка и заворчал, но Куонеб его к мешку не подпустил. Рольф попробовал приласкать щенка, тот огрызнулся, и индеец сказал:

— Не приставай к Скукуму¹. Он сам с тобой подружится, когда захочет. А может, и никогда не подружится.

Они направились к лугу ярдах² в трехстах от вигвама. Там енот был выпущен из мешка. Когда он опомнился и бросился наутек, Куонеб отвязал Скукума, науськивая его на зверя. С оглушительным лаем щенок ринулся за енотом, но тут же был укушен и с визгом отскочил. Енот удирал что было мочи, охотники бежали следом, а Скукум было вырвался вперед, но енот обернулся, свирепо рывкнул и преподал щенку второй урок. Зверь бежал, увертывался, кидался в бой и наконец добрался до леса. Под невысоким толстым деревом он отразил очередную атаку и быстро забрался на ветку.

Охотники продолжали усердно науськивать щенка, который с оглушительным лаем прыгал под деревом и даже пытался вскарабкаться по стволу вверх. Это им и требовалось. Скукум хорошо усвоил первое задание: преследовать зверя, который пахнет так-то и так-то, а потом облаивать дерево, на котором этот зверь спрятался.

Затем Куонеб, вооружившись веревочной петлей и рогатиной, влез на дерево. После долгой возни ему удалось накинуть петлю, енота без особых церемоний стащили вниз, запахнули в мешок и унесли под скалу, где он был посажен на цепь, чтобы обучение могло продолжаться своим чередом. Скукуму предстояло еще раза два-три загнать енота на дерево; затем предполагалось спустить его с привязи,

¹ Скукум (или Скукум Чук) — на языке чинуков означает «Бурная вода». — Примеч. автора.

² Ярд — мера длины, равная 91 см.

когда енот уже скроется из вида, чтобы пес научился находить его по следу, а затем подошло бы время последнего урока: Скукум выследит енота, загонит на дерево и получит желанное право прикончить сбитого выстрелом зверя, а потом будет вознагражден за все труды его мясом. Впрочем, этой награды он лишился: накануне последней охоты енот сумел ночью высвободиться, и утром о нем напоминали только лежащая на земле цепь да пустой ошейник.

Но все это было еще впереди, хотя для Рольфа оказалось достаточно и первого дня: в нем проснулся охотник. Он испытывал веселое волнение и жгучий интерес. Тем более что ничего отталкивающе жестокого в происходящем не было. Скукум, правда, повизгивал, когда енот его кусал, но продолжал в веселом азарте рваться вперед. И Рольф всем сердцем предвкушал радости настоящей охоты на енота, когда Скукум пройдет школу обучения.

Как этот час был не похож на тяжелое, унылое существование, которое он влачил в доме дяди! Даже резкий запах енота его зачаровывал. Глаза мальчика горели от возбуждения, и он не заметил появления на сцене третьего человека, привлеченного шумом травли. Но Скукум оказался более бдительным и оглушительным лаем известил о появлении незваного гостя на обрыве над вигвамом. Опухшее лицо и свирепые усы было легко узнать даже на расстоянии.

— А-а, так вот ты где, паршивец! — крикнул любящий дядюшка. — Ну, я тебя, бездельника, проучу!

Собака была привязана, индеец казался робким и безобидным, а мальчик перепуганным, и Мик совсем расхрабрился. Он грузил дрова на телегу в лесу по соседству, и в руках у него был ременный кнут. Минуту спустя в воздухе взвилась черная змея и обвилась вокруг ног Рольфа, опалив его огнем.

Мальчик вскрикнул и кинулся бежать, но дядя не отставал, усердно орудуя кнутом. Куонерб, решив, что это отец Рольфа, дивился такой отеческой любви, но не вмешивался: строгое повиновение отцу — одна из важнейших индейских заповедей.

Пока Рольфу удавалось увертываться от большей части ударов, но дядя сумел оттеснить его к подножию обрыва и полоснул кончиком кнута по лицу. На щеках осталась багровая полоса, словно от ожога раскаленной проволокой.

— Попался! — взревел негодяй.

Вне себя от отчаяния, Рольф схватил два тяжелых камня и метнул один в голову дяди. Мик уклонился, но второй камень угодил ему в бедро, и он взвыл от боли. Рольф быстро поднял еще несколько камней и крикнул:

— Только подойди! Я тебя убью.

Багровая физиономия стала пепельно-серой. Но тут же Мик забрызгал слюной от ярости. Конечно, щенка подучил индеец. Ну, ничего, он с ним после поквитается. Изрыгая ругательства и угрозы, седовласый забулдыга побрел в лес, к нагруженной телеге. Он заметно прихрамывал.

ГЛАВА 5

Прощай, дядя Мик!

Раздумия приносит ночь, приносит день
с собой дела.
Но сумрак прятаться велит: не свет, не тьма,
а полумгла.

Одно Рольф понял твердо: его дядя — трус! И все-таки правым мальчик себя не чувствовал: как-никак он развлекался, вместо того чтобы заниматься делом. И он решил сразу же вернуться домой, что бы там его ни ожидало. Обрушившуюся на него брань он пропускал мимо ушей. Попреки давно стали для него привычными, и, пожалуй, сдержись тетка на этот раз, он испытал бы что-то вроде разочарования. Но ей и в голову не пришло сдерживаться, и Рольф работал молча и усердно под обычный аккомпанемент.

Мик вернулся поздно вечером. В этот день он подрядился возить дрова Хортону, почему и оказался возле Длинной запырьды. По пути домой он завернул в трактир и домой добрался совсем ословелый, что-то угрожающе бормоча.

На следующий день в воздухе запахло грозой. Рольф случайно услышал, как дядя честит «неблагодарного паршивца, который только даром чужой хлеб ест». Однако этим все как будто и ограничилось. Целых два дня тетка даже ни разу на него не замахнулась. На третью ночь Мик куда-то исчез. Вернулся он через сутки с каким-то приятелем. Они приволокли клетку с курами, а утром Рольфу было строго приказано «к сараю не подходить».

Мальчик долго крепился, но, когда представился удобный случай, залез на сеновал и, посмотрев оттуда, увидел красивую лошадь. На следующий день дверь сарая, как всегда, стояла распахнутой и внутри было пусто.

Вечером достойные супруги принимали гостей, которых Рольф прежде не видел. Их шумное веселье не давало мальчику уснуть, и до него доносились обрывки фраз, то непонятные, то достаточно ясные: «Ночная работка всегда выгоднее дневной!» И прочее в том же духе. Потом он расслышал собственное имя, и чей-то голос произнес:

— Пошли, разберемся с ним сейчас!

Догадаться, что задумали буйные пьяницы, подстрекаемые старым негодяем, было нетрудно. Он услышал, как они, спотыкаясь, двинулись к лестнице. Потом кто-то крикнул:

— Э-эй, кнут-то не забудь!

Рольф понял, что речь идет о его жизни: от виски они совсем озверели. Вскочив с постели, он быстро запер дверь на щеколду, плотно скатал старый лоскутный половик, положил его на постель, собрал одежду, вылез в окно, нащупал ногой какую-то опору и повис так, что глаза его оказались вровень с подоконником. До мальчика ясно доносились хриплое дыхание и тяжелые, неуверенные шаги пьяниц, подымавших по лестнице. Потом кто-то дернул дверь, она не открылась, но затем с треском поддалась,

